

У Тун призналась в преступлении и описала весь его процесс. Ее мотивы были более или менее такими, как и предсказал Минг Шу, но в деталях были некоторые различия.

У Тун мало что помнила из своей жизни до того, как ее похитили в возрасте четырех лет. Она только помнила, что ее настоящее имя было Сяо Чунь, а ее родителей звали Сяо Ху и Лун Лянлянь. Ее первоначальным домом была маленькая деревня на северо-востоке под названием Хуннин.

Годы, когда была жива настоящая У Тун, были худшими годами в жизни Сяо Чунь. Ее приковали снаружи и кормили вместе со свиньями и собаками семьи. Всякий раз, когда У Тун заболела, Сяо Чунь подвешивали вниз головой и пытали.

Всякий раз, когда она смотрела на У Шуляня и Ван Айся своим перевернутым зрением, она чувствовала, что то, как они плакали, но с сияющими глазами, было искаженным и отвратительным.

Она не раз думала, что в будущем убьет У Тун, У Шуляня, Ван Айся и гадалку.

Все эти люди были хуже свиней и собак, они заслужили попасть в ад.

Но Сяо Чунь была слишком маленькой. Ее руки, ноги и даже горло были скованы цепями, она была не в состоянии осуществить свою месть.

Прежде чем она успела вырасти, настоящая У Тун умерла.

У Шулянь и его жена были убиты горем. Сяо Чунь однажды услышала, как Ван Айся сказала, что ее дочь мертва, так что больше не было смысла держать «тень». Она сказала, что было бы лучше, если бы эта тень «спустилась вниз», чтобы сопровождать Тунтун.

Сяо Чунь не хотела умирать и изо всех сил старалась сбежать, но гадалка, причинившая ей вред, спасла ей жизнь с помощью «теории одной души».

С тех пор Сяо Чунь превратилась в У Тун.

Теперь, поскольку она делила «одну душу» с У Тун, У Шулянь и Ван Айся стали очень о ней заботиться.

Ее больше не заставляли носить тяжелые цепи, и уж точно ее больше не били и не кормили кормом для животных. У нее даже была собственная комната в доме.

У Шулянь и Ван Айся начали называть ее «Тунтун». Они покупали ей красивую одежду в городе и водили ее в парк развлечений играть. Она могла есть то, чего никогда раньше не ела,

например, западную еду. Ей читали сказки, такие, как Золушка...

Иногда даже она в оцепенении чувствовала себя У Тун, настоящей У Тун.

Но всякий раз, когда она видела эти старые, ржавые цепи, часы в ее сознании били полночь — точно так же, как это было в сказке для Золушки, и она снова вспоминала что все это было ложью и преступлением.

Она была Сяо Чунь. Похищенная, оскорбленная Сяо Чунь. Не У Тун! Не милое, послушное дитя семьи У!

Она положила эти цепи в коробку и спрятала их под кроватью в своей комнате. Почти каждый день она вынимала их из коробки, чтобы посмотреть на них. Каждый раз, когда она их видела, ее ненависть к этой бесчеловечной семье росла.

Настоящая У Тун никогда не ходила в школу; она была слишком больна. Но Сяо Чунь могла это делать. Однажды, когда она училась в начальной школе, она вместе с У Шуляном и Ван Айся посетила город Донгье во время Праздника Весны*. Во время этого визита они встретили в городе некоторых из своих дальних родственников.

(* простите, что не указала в прошлой главе, но у нас этот праздник называют Китайским новым годом)

Сяо Чунь запомнила этот город, который процветал и был таким ярким, что казался почти другим миром. Она также запомнила имя богатого старшего брата среди этих дальних родственников — Ляна Лу.

Когда она выросла, то стала самой красивой девушкой во всей деревне Ванцуй. Ее улыбка была чрезвычайно мила, ее глаза были яркими и ясными, и она выглядела необычайно невинной и чистой.

Ван Айся искренне верила, что эта девушка была ее дочерью У Тун. Она искренне верила, что душа ее дочери живет в этой девушке, потому что только ее Тунтун могла обладать такой милой и невинной улыбкой.

Но все дело было в том, что Сяо Чунь уже давно хорошо умеет маскироваться и настолько хорошо играет У Тун, что выглядит так, словно никогда не знала никакой обиды.

Единственное, что озадачивало людей в Сяо Чунь, это то, что она, казалось, любила тренировать руки. Ей нравилось подтягиваться с мальчиками, и она даже купила набор гантелей, чтобы тренироваться дома.

Ван Айся однажды спросила:

— Тунтун, что ты делаешь?

— Мама, — ответила Сяо Чунь, улыбаясь. — Я просто работаю над своей фигурой.

У Ван Айся было смутное представление о том, что работа над фигурой должна включать в себя нечто большее, чем просто упражнения для рук, но она не стала задавать больше вопросов.

Как только Ван Айся отвернулась, улыбка с лица Сяо Чунь исчезла. Ее темные, потухшие глаза сузились, глядя на спину Ван Айся, и она про себя пробормотала:

— Конечно, я делаю это для того, чтобы я смогла задушить тебя и У Шуляня до смерти.

Незадолго до Праздника Весны того же года Сяо Чунь решила действовать.

До этого момента она уже долгое время обдумывала свой план и заложила все основы. Например, она всем рассказала, что хочет поехать в большой город, чтобы научиться самостоятельности и немного повзрослеть, теперь, когда она достигла совершеннолетия. Под этим предлогом она убедила У Шуляня и Ван Айся сделать несколько звонков родителям Лян Лу.

После этого она стала убеждать У Шуляня и Ван Айся переехать с ней в город, чтобы составить компанию своей «дочери».

У Шулянь и Ван Айся всю свою жизнь прожили в деревне Ванцуй. Хотя они и бывали в городе, им было нелегко свыкнуться с мыслью о том, чтобы жить там постоянно, так что Сяо Чунь быстро изменила свою просьбу. Она попросила, чтобы они лишь ненадолго сопровождали ее в городе, чтобы она могла привыкнуть к темпу тамошней жизни. После этого они могли оставить ее там и вернуться в деревню Ванцуй.

Эта просьба была очень разумной; естественно, У Шулянь и Ван Айся не отказались.

Сяо Чунь немедленно начала распространять слухи по деревне, что вся семья У переедет в город, чтобы присоединиться к своим богатым родственникам. У Шулянь и Ван Айся также рассказали многим сельским жителям о поездке в город со своей дочерью после Праздника Весны.

Истину смешали с ложью, и ложь смешали с правдой. У Шулянь любил хвастаться, поэтому, когда люди спрашивали, действительно ли он поедет в большой город, чтобы положиться на поддержку богатых родственников, он не стал отрицать этого.

К тому времени, когда Сяо Чунь пригласила всю деревню на прощальный обед, каждый житель деревни считал, что семья У действительно едет в город, чтобы жить лучшей жизнью.

А в это время У Шулянь и Ван Айся уже были задушены Сяо Чунь железными цепями.

Во время Праздника Весны деревню наполнил звук фейерверков. Это было бесконечно. Все ходили от двери к двери, чтобы навестить своих родственников; ни у кого действительно не было времени беспокоиться о том, что происходит с их соседями. Сяо Чунь подсыпала снотворное в вино, которое У Шулянь и Ван Айся пили той ночью. После того, как они оба потеряли сознание, она задушила их своими старыми цепями, одного за другим.

У Шулянь пришел в сознание в последний, критический момент. Он яростно боролся, с грохотом опрокинув обеденный стол во время противостояния.

Но это не помогло. Снаружи доносился оглушительный грохот петард. Никто не знал, что в доме семьи У происходит трагедия.

Как только она убедилась, что две ее жертвы мертвы, Сяо Чунь отбросила цепи и жестоко расчленила трупы в гостиной.

Она срезала плоть с ног трупов, а затем бросила остальные части тел в заранее приготовленные мешки.

Спрятав тела, Сяо Чунь пошла домой, вымыла полы и зажгла благовония, чтобы скрыть сильный запах крови.

Затем она сделала самое ужасное — потушила срезанное мясо с ног, смешала его с густым соусом и приготовила пикантное блюдо, которое использовалось как одно из важных блюд прощального обеда.

Часть жителей деревни не пришла на ее прощальный обед, потому что они были за городом, в гостях у родственников. Жители деревни, которые действительно пришли, тоже не задерживались надолго, потому что у них были свои собственные праздничные обеды, на которые нужно было вернуться.

Сяо Чунь приветствовала и болтала со своими гостями, время от времени зовя «мама» или «папа». На протяжении всей вечеринки никто не видел ни У Шуляня, ни Ван Айся.

Но иллюзия, созданная Сяо Чунь, заставила их поверить, что У Шулянь и Ван Айся оба здесь, но они слишком заняты, и у них нет времени поздороваться с ними.

Позже той же ночью Сяо Чунь напевала себе под нос мелодию, убирая беспорядок.

Соус добавляют во многие блюда, и его пробовал практически каждый сельский житель, присутствовавший на прощальном банкете.

Они это заслужили.

Много лет назад, когда ее впервые похитили и привезли в деревню Ванцуй, никто не вызвал полицию. Когда гадалка избивала ее до полусмерти, никто не пришел ей на помощь. Позже, когда она потеряла свою личность и стала У Тун, все жители деревни притворились, что их одурачил этот поступок — все они приняли ее за настоящую У Тун.

Если бы хотя бы один человек пришел ей на помощь, случившуюся с ней трагедию можно было бы остановить.

Однако никто не выступил в ее защиту. Все эти жители деревни вели себя как холодные, равнодушные зрители, наблюдающие издали за разворачивающейся трагедией.

Разве они не заслужили наказания?

И разве поедание человеческой плоти не было достойным наказанием?

Сяо Чунь была очень умна. Она знала, что люди могли бы понять, что что-то не так, если бы она просто нарезала мясо и поджарила его или протушила. Но как только оно будет перемолото и добавлено в соус, никто не сможет понять разницу. Когда она измельчит его до такой степени, что он станет почти жидким, когда она будет добавлять его в качестве компонента в другие блюда, никто не догадается, что только что проглоченный кусок был человеческим мясом.

В этом пустом доме Сяо Чунь просидела в одиночестве до полуночи.

Она отомстила, и это принесло ей огромное облегчение. Когда она снова увидела эти старые ржавые цепи, она уже не чувствовала такой боли, как раньше.

Как только она покинет это место и отправится в город Донгье, она начнет свою жизнь заново.

Утром Сяо Чунь закрыла дверь дома семьи У, взяла свой немногочисленный багаж и поехала на трехколесном велосипеде У Шуляня на уездный вокзал.

Она оставила изувеченные тела У Шуляня и Ван Айся в деревне Ванцуй. И она оставила свои старые цепи там же.

Она думала, что наконец-то свободна.

Но холодная, суровая реальность заключалась в том, что она больше не могла жить обычной жизнью.

Она слишком привыкла притворяться другим человеком, и извращенная ненависть в ее сердце не исчезла со смертью У Шуляня и Ван Айся. Сяо Чунь все еще жаждала крови, бойни. Только когда она отбирала жизни, она могла по-настоящему чувствовать себя живой.

Она винила в этом тот факт, что не смогла убить того, кто причинил все ее страдания — настоящую У Тун.

Днем она была милой и невинной секретаршей в Цзяньцзя Байлу. Ночью она резала живых кур и рыбу в своей квартире, в конце концов дойдя до убийства бродячих собак из ее района.

Ее невинность и мягкость была способна не только обманывать людей. Она даже могла обманом заставить собак следовать за ней в ее дом.

Каждую ночь Ли Тяньюэ видела свет, выходящий из-под двери Сяо Чунь. Этот свет исходил от мобильного телефона Сяо Чунь, который она использовала для просмотра видео жестоких убийств со всего мира.

Лишь позже она случайно раскрыла секрет Ша Чунь и поняла, что у нее наконец-то появился шанс кого-то убить.

Убийство кур и собак было далеко от удовлетворения от убийства человека.

— Вы сказали, что я решила убить Ша Чунь только потому, что она была похожа на У Тун. На самом деле это неправда, У Тун было меньше десяти лет, когда она умерла, и я не знаю, какой она была бы, если бы могла вырасти. — Сяо Чунь сухо рассмеялась и заправила прядь волос за ухо. — Но если бы у нее действительно был шанс повзрослеть, меня, наверное, давно бы замучили до смерти. Я убила Ша Чунь просто потому, что у меня была возможность убить ее, и потому что она хотела умереть. Если бы Юй Сяочэн прятал руки Ша Чунь, как они и договорились, вы бы никогда не смогли бы меня поймать.

— Ты обманула всех в деревне Ванцуй, — сказал Минг Шу, — Так что хотела повторить этот «успех» и в городе Донгье?

Сяо Чунь слегка покачала головой с беспомощным выражением лица:

— Вы, полицейские, действительно очень впечатляете. Юй Сяочэн был идеальным подозреваемым. Он был во всем похож на убийцу, и все же вы не поверили, что это он.

— Все так, как ты и сказала, Юй Сяочэн очень похож на убийцу, — сказал Минг Шу. — Но вот именно что только похож, разве он может быть настоящим убийцей?

Сяо Чунь блеснула несчастной улыбкой, а затем внезапно сказала:

— На самом деле я просто помогла Ша Чунь, убив ее.

— Как именно ты узнала, что происходит между Ша Чунь и Юй Сяочэном? — спросил Минг Шу.

— Я поставила жучок в класс Ша Чунь, — сказала Сяо Чунь. — Но на самом деле это было не из-за Юй Сяочэна, это было из-за Ву Чжэня.

Несколько месяцев назад Сяо Чунь заметила, что отношения Ву Чжэня и Ша Чунь, похоже, немного отличались от любых других отношений Ша Чунь на рабочем месте. Они казались немного ближе, немного более интимными.

Но Сяо Чунь просто не могла этого понять. Ву Чжэнь был стариком; как он добился благосклонности Ша Чунь?

Из чистого любопытства Сяо Чунь тайком установила жучок в классе Ша Чунь. Для такой секретарши, как она, это было невероятно легко выполнить, не вызвав ни у кого подозрений.

Используя этот жучок, она проследила за ними и узнала секрет, который делили Ша Чунь и Ву Чжэнь. Затем она подслушала, как Ша Чунь поделилась этим секретом с Юй Сяочэном. В конце концов, она узнала, что Юй Сяочэн не поддался на попытки Ша Чунь убедить его присоединиться к ней в этой смертельной игре — он ей отказал.

— Значит, тогда то ты и появилась перед Ша Чунь, — сказал Минг Шу.

— Состояние Ша Чунь в то время уже было очень плохим. Она хотела, чтобы кто-то помог ей покончить с собой как можно скорее, — сказала Сяо Чунь. — Конечно, я была самым подходящим кандидатом.

После того, как она помогла Ву Чжэню «покончить жизнь самоубийством», Ша Чунь каждый день жила в страхе. Ей не терпелось найти своего «преемника». Однако человек, который, как она надеялась, поможет ей, Юй Сяочэн, в конце концов отказал ей и решил продолжить подготовку к вступительным экзаменам в университет.

Сяо Чунь воспользовалась этой ситуацией и взяла на себя роль, которую Юй Сяочэн отказался исполнять. Она уговаривала и угрожала Ша Чунь, обещая исполнить ее желание и создать нужную сцену смерти, как у Ву Чжэня, вынудив Ша Чунь заставить Юй Сяочэна согласиться спрятать отрубленные руки в Девятой школе.

23 августа Сяо Чунь после работы бросилась в Ассоциацию исполнительских искусств. Она спряталась в заранее присмотренном месте. Когда Ша Чунь закончила свое выступление и пришла поздно ночью, она шла на свидание со смертью.

Сяо Чунь задушила Ша Чунь до смерти веревкой, точно так же, как она использовала свои старые цепи, чтобы задушить У Шуляня и Ван Айся.

Инстинкты Ша Чунь проснулись перед ее смертью. Она рефлекторно боролась, что доставило Сяо Чунь огромное удовольствие.

Это позволило Сяо Чунь подумать: «Вот оно! Вот каким должно было быть убийство У Тун!»

— Ах, точно. Я хотела сказать тебе еще кое-что, — сказала Сяо Чунь. — Ша Чунь не убивала Ву Чжэня, он действительно покончил жизнь самоубийством.

— Это Ша Чунь сказала тебе? — спросил Минг Шу.

Сяо Чунь кивнула:

— Я ей верю. Вы, ребята, можете верить этому или нет, для меня это не имеет значения. Они оба уже мертвы. Доказать что-либо невозможно.

На протяжении всего допроса и признания Сяо Чунь не выказала ни капли вины или раскаяния.

— Я убила в общей сложности трех человек, — сказала она. — Разве У Шулянь и Ван Айся не заслуживали смерти? Та гадалка тоже должна была умереть. Жаль, что я не смогла ее найти. Что касается Ша Чунь...

Сяо Чунь на мгновение замолчала.

— Я признаю, что убила ее, чтобы утолить свою жажду крови. Но разве я также не помогла ей? Если бы меня не было рядом, она бы так и продолжала страдать! Ее жизнь была такой горькой, и она уже потеряла волю к жизни, но этот трус Юй Сяочэн отказался ей помочь. Я убила ее, да, но я также и спасла ее.

Минг Шу встал:

— Софистика*.

(*Софизм (от греч. σοφισμα — мастерство, умение, хитрая выдумка, уловка) — формально кажущееся правильным, но ложное по существу умозаключение, основанное на преднамеренно неправильном подборе исходных положений)

Сяо Чунь замерла, а затем спросила:

— Господин Минг, ты сможешь мне найти моих настоящих родителей, не так ли? Ты мне обещал.

***

Когда его имя наконец-то было очищено, Юй Сяочэн не выдержал и заплакал. Рыдая, он пробормотал:

— Это действительно был не я! Я никого не убивал!

Чжоу Юань заказал чашку клубнично-персикового чая, который Минг Шу заказал для подразделения в прошлый раз. Он поставил ее на стол перед Юй Сяочэном.

Лицо Юй Сяочэна было в слезах. Он поднял взгляд с явным замешательством.

— Меня зовут Чжоу Юань. Я технический следователь отдела по расследованию тяжких преступлений, — сказал Чжоу Юань.

Он не очень хорошо разговаривал с людьми, но заставил себя лично встретиться с Ю Сяочэном лицом к лицу.

— Когда я учился в школе, я был таким же, как ты. Я очень много работал, но я не был одаренным. Чтобы получить такие же результаты тестов, как и я, другим детям нужно было только быть внимательными в классе. После уроков они могли играть баскетбол или футбол, или делать все, что им заблагорассудится. Но я должен был посвятить все свое время учебе.

Рот Юй Сяочэна открылся в ошеломленной тишине.

— В первый раз, когда я сдал вступительные экзамены в университет, я провалился. Я чувствовал себя таким потерянным. Я чувствовал себя совершенно бесполезным и подумал: какой смысл повторять год? Но если бы я не повторил год, у меня бы вообще не было возможности поступить в университет. — голос Чжоу Юаня слегка дрожал, когда он говорил. Эти слова были явно переполнены эмоциями, словно переносили его в те годы, полные борьбы и неуверенности в себе. — Я все еще хотел поступить в университет, поэтому я решил повторить свой третий год средней школы. Когда я повторил этот год, моим новым классным руководителем стала наша учительница математики, и именно она изменила меня.

Юй Сяочэн чуть-чуть наклонился вперед. По его позе было видно, что он внимательно слушал.

— Она сказала мне, что все люди разные, и каждый — уникальная личность. У каждого есть свои сильные стороны, и у каждого обязательно есть свои слабости. Никому не поможет сравнение своих слабостей с чьими-то сильными сторонами, — продолжил рассказывать Чжоу Юань. — Я сказал ей: «Но у меня плохие оценки». Но что моя учительница ответила: «Плохие у

тебя оценки или нет, зависит от того, с кем ты себя сравниваешь. Ты учишься в лучшем классе лучшей средней школы округа. Если твои оценки здесь средние, значит ли это на самом деле что они плохие?»

Юй Сяочэн наконец заговорил:

— Я... я тоже учусь в лучшем классе в лучшей средней школе города.

Чжоу Юань кивнул:

— Вот почему я сказал, что мы очень похожи. В том году моя учительница иногда находила время, чтобы поболтать со мной и подбодрить меня. Она помогла мне подумать о моем направлении в жизни, обладала сильным чувством справедливости и была особенно прилежной и внимательной. Она сказала, что думает, что в будущем я стану отличным полицейским.

Юй Сяочэн тихо пробормотал:

— Значит, ты...

— Так что я действительно стал офицером полиции, — кивнул Чжоу Юань. — Я совсем не одарен. Я не могу сравниться с гениями, которые работают в области технических исследований, но я могу быть полезным. Мой труд и усердие не пропали даром. В этом деле я тоже участвовал, и нашел одну из ключевых подсказок к разгадке личности настоящего убийцы.

Юй Сяочэн резко вздохнул и широко раскрыл глаза.

— Ты понимаешь? — спросил Чжоу Юань. — Ты никогда не должен стыдиться своей усердной работы. Ты просто запутался и еще не нашел свое предназначение.

Сказав это, Чжоу Юань встал и указал на клубнично-персиковый чай на столе:

— Ты еще молод, у тебя еще достаточно времени, чтобы измениться. Не отказываясь от себя, когда Ша Чунь пыталась убедить тебя покончить со всем, ты уже показал свое мужество. Юй Сяочэн, ты можешь продолжать быть смелым и упорным. Прямо как...

Чжоу Юань опустил голову. Его голос стал мягче, когда он продолжил:

— Прямо как я, когда повторил тот год.

Юй Сяочэн взял клубнично-персиковый чай:

— Почему ты угощаешь меня этим напитком?

Чжоу Юань улыбнулся:

— Может быть, я старше тебя, но бывают моменты, когда я тоже впадаю в сомнения. В последний раз, когда я снова начал сомневаться в своих силах, мой одаренный, трудолюбивый и старательный руководитель принес мне чашку этого напитка. И он сказал мне, что я незаменимый член его команды.

Руки Юй Сяочэна задрожали. Впервые он почувствовал луч надежды, заливающий светом его туманное будущее.

— Я не так умен, как мой руководитель, поэтому я могу только пытаться подражать ему что бы поощрить тебя, — тепло сказал Чжоу Юань. — Давай, Юй Сяочэн, не подведи этого трудолюбивого и храброго тебя.

***

Завод, о котором говорил Чу Кан, располагался недалеко от границы округа Нань. Некоторые сотрудники там подтвердили, что видели Чу Кана на фабрике, но это было так давно, что записи с камер видеонаблюдения того времени уже стерты. Не было никакого способа доказать, действительно ли тело Чжоу Си «исчезло» на этом заводе.

Фан Юаньхан вспомнил предупреждение и совет Минг Шу: если у Чу Кана был такой фетиш, это означало, что Чжоу Си могла быть не единственной его жертвой. Но как бы они ни допрашивали Чу Кана, этот человек отказывался признавать какие-либо правонарушения, кроме убийства Чжоу Си и жестокого обращения с Лю Мэй.

Кроме того, все улики указывали на то, что Чу Кан действовал в одиночку во всех своих преступлениях. Не было ничего, что касалось бы группы Чу, и не было ничего, что касалось бы секретаря Чу Цина, Шуй Сюня.

Дело Ша Чунь подошло к концу, но загадочный человек, подбирающий кандидатов на «костяшки домино» за кулисами, все еще оставался на свободе.

Минг Шу, наконец, смог совершить редкую поездку домой. Он переоделся в пижаму и плюхнулся на диван, прислушиваясь к звуку бегущей воды из ванной и думая о неразрешенных нитях в этих делах.

Когда Сяо Юань вышел из ванной в халате, Минг Шу пришел в себя.

— Ге.

Сяо Юань огляделся, вытирая голову полотенцем.

— Хм?

Минг Шу встал на колени на диване и вытянул обе руки:

— Гэ, давай я высушу тебе волосы феном.

Сяо Юань приблизился. Его тело все еще было окутано ароматом пара и легкого освежающего геля для душа. Он поймал подбородок Минг Шу и осторожно сжал его между пальцами, улыбаясь, когда произнес:

— Почему у меня такое чувство, что вместо того, чтобы хотеть высушить мои волосы феном, твоя поза больше намекает на то, что ты хочешь чтобы я тебя обнял?

<http://bllate.org/book/14859/1321936>